

О. К. Бузина

Смеховая культура и маргинальное поведение в Древней Руси

Смех во многих своих проявлениях является важной составной частью культуры. Сущность смешного остается во все века одинаковой, однако преобладание тех или иных черт в «смеховой культуре» позволяет различать в смехе национальные особенности и черты эпохи. Смеховая культура, ее воплощение и сущность в прямой связи с исторической действительностью, позволяет глубже проникнуть в суть явления и обозначить границы, как в раскрытии природы и функций смеха, так и феномена маргинальности.

Внешне, в своем первом поверхностном слое смех нарочито искажает мир, экспериментирует над ним, лишая разумных объяснений и причинно-следственных связей. Но, разрушая, смех одновременно созидает – творит свой фантастический антимир, который несет в себе определенное мировоззрение, отношение к окружающей действительности. Смех «оглушает», «разоблачает», возвращает миру его изначальную хаотичность. Он отвергает неравенство социальных отношений и отвергает социальные законы, ведущие к этому неравенству, показывает их несправедливость и случайность. Функция смеха, несомая «потешниками», заключалась в создании некой «отдушины» для общества. Это, кстати, не исключало негативного к ним отношения, в виду того, что «лекари», снимающие психологическое напряжение, все же относились к антимиру.

Целый необозримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной культуре церковного и феодального средневековья. При всем разнообразии этих форм и проявлений, «площадные празднества карнавального типа, отдельные смеховые обряды и культуры, шуты и дураки, великаны, карлики и уроды, скоморохи разного рода и ранга, огромная и многообразная пародийная литература и многое другое – все они, эти формулы, обладают единым стилем и являются

частями и частицами единой и целостной народно-смеховой, карнавальной культуры»¹.

Отношение христианского мира к смеху и веселью вовсе не было однозначным. Смех переносил человека в мир народной карнавальной утопии, высвобождая его из обыденной, тяжелой жизни и власти общественных институтов. Карнавал, по мнению М. М. Бахтина, всенароден, «его не созерцают, в нем живут... В сущности – это сама жизнь, но оформленная особым игровым образом». Логика «обратности», непрерывных перемещений верха и низа объясняется сменой и обновлением: «Снижение роет телесную могилу для нового рождения. Поэтому оно имеет не только уничтожающее, отрицательное значение, но и положительное, возрождающее»². Смех, по Бахтину, амбивалентен, он веселый и одновременно насмешливый, высмеивающий, он и отрицает и утверждает, и хоронит и возрождает.

Двумирность средневековой культуры позволяет успешно примирять христианское и языческое мировоззрение в смехе, тогда как сам смех претерпевает разделение на архаический и более поздний смех, где первый мало связан с миром того, что мы можем называть собственно «смешным»: «Это смех радости, смех сильного и здорового тела, удовольствия и сытости, ярости и мощи. И это же – смех сугубо ритуальный, переносящий энергию телесного энтузиазма на миры рождения и убийства, света и мрака»³. Более поздний смех связан с работой человеческого ума, научившегося видеть парадоксы в повседневной борьбе добра и зла, «смех ума», прибавившийся к «смеху плоти». Смех указывал, «намекал на вещи христианским мировидением отрицаемые, на весь набор языческих, «греховных» удовольствий. А раз грех есть уступка злу, то, следовательно, и все сопровождаемые смехом удовольствия и веселья, так же есть грех и зло»⁴.

По мнению Д. Лихачева и А. Панченко, смеховая культура Древней Руси выстраивала некий выдуманный, неупорядоченный антимир, куда переносилось все неблагополучное и неправильное. «Смех тут не пародия, это – разрушитель имеющегося мира, имеющий и некое созидательное начало, в создании ми-

---

¹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990. С. 8.

² Там же. С. 10.

³ Карасев Л.В. Мифология смеха // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 85.

⁴ Карасев Л.В. Опыт несмеяния // Человек. 1992. № 5. С. 18.

ра свободного и неупорядоченного. При этом противостоит не обычной, а идеальной реальности, сам подчеркнуто не реален и именно поэтому смешон»¹.

Рассмотрение феномена смеха было бы неполным без внимания особому положению его носителей. Антиповедение скоморохов, позволяло путем магического смеха проникнуть в «левый» мир, «задобрить» его, освободится от страха. С другой стороны, скоморохи, плоть от плоти дьявольского, языческого мира, сами могли вызывать страх и принадлежность их к «чужому» миру не вызывает сомнений. Ю. Лотман и Б. Успенский обратили внимание на противопоставление смешного и серьезного в русской христианской традиции. Святость, как идеал к которому каждый должен стремиться, исключает смех. Основой приписываемого дьяволу поведения «наоборот» стала сфера языческих представлений, активно вытесняемая церковью в сторону сатанинства, того, что не чисто и не правильно. Авторы обращают внимание на антиповедение, связанное с колдовством, языческой магией. Это – некий «левый мир», могущий включать в себя ритуальный смех, но смешным он не был и не воспринимался таковым. Кощунство и магический смех лишены комизма. «Игра не выводит за пределы мира как такового, а позволяет проникнуть в его заповедные области, туда, где серьезное пребывание было бы равносильно гибели»². Ситуация отчуждения и двойственного отношения к скоморохам и шаманам создает и само представление, когда зрители лишь смотрят, как скоморохи проникают в «дьявольский» мир, но сами активно в этом не участвуют.

В древнерусском смехе есть одно загадочное обстоятельство: непонятно, каким образом в Древней Руси могли в таких широких масштабах терпеть пародии на молитвы, псалмы, службы, на монастырские порядки и т.п. Аналогичное положение было и на Западе в Средние века. Создаются пародийные дублеры буквально на все моменты церковного культа и вероучения. Развиваются различные жанры смеховой риторики. В древнерусских сатирических произведениях смех направлен на себя и на ситуацию внутри самого произведения. Пародируются только сами жанры деловой, церковной или литературной письменности. Пародийных конкретных произведений было мало, так как они должны были быть хорошо зна-

¹ Лихачев Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси. – М., 1984. С. 66.

² Лотман Ю., Успенский Б. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 156.

комы читателям, чтобы их можно было легко узнавать в пародии¹.

Функция смеха – обнажать, обнаруживать правду, «раздевать реальность от покровов церемониальности, от всей сложной знакомой системы данного общества»². Этот смех чаще всего обращен против самой личности смеющегося и против всего того, что считается святым, благочестивым, почетным. «Смешащие притворяются дураками, валяют дурака, делают нелепости и прикидываются непонимающими, чтобы быть свободными в смехе»³. Смеющийся чаще всего смеется над самим собой, над своими злключениями и неудачами... Дурак умен: он знает о мире больше, чем его современники, являясь носителем особой жизненной формы, реальной и идеальной одновременно. Древнерусский дурак – разоблачитель и разоблачающийся одновременно, человек, видящий и говорящий «голую» правду. Древнерусский смех – смех голого, ничем не дорожащего.

Соотношения мира культуры и мира антикультуры у юродивого, как и у дурака, опрокинуты. «Как и всякий дурак, он действует и говорит «невыпадет», но он говорит и ведет себя как раз так, как должно по нормам христианского поведения, в соответствии со знаковой системой христианства»⁴. Юродивый видит и слышит то, чего не знают другие. Мир антикультуры юродивого (мир «настоящей» культуры) возвращен к «реальности» – «реальности потустороннего».

Рассматривая феномен смеха, Аверинцев сталкивает его с понятием «свободы» и выделяет разные виды смеха в переходе от благородного к низменному – «смех цинический, смех хамский, в акте которого смеющийся отделяется от стыда, от жалости, от совести». Смех, как считает Аверинцев, это стихия, способная смешивать и подменять мотивации. В истоках народной смеховой культуры, полагает он, «процедура амбивалентного увенчания – развенчания, позволяющая убедить себя в правомочности принесенных жертв». Продолжая свою мысль, Аверинцев пишет: «в начале начал всяческой «карнавализации» – кровь»; «образ казни, расправы, морального уничтожения амбивалентно приравнен архетипу

---

¹ Там же. С. 350–351.

² Там же. С. 356.

³ Там же. С. 347.

⁴ Там же. С. 350.

омоложения... выздоровления... обновления»¹. В качестве примера подобного развенчания исследователь, в том числе, указывает на осмеяние Христа перед распятием. По Аверинцеву, главное в смехе – освобождение. Агрессивность же и «натуральность» карнавализации свидетельствует об архаичности общества.

Маргинальная природа скоморошества была призвана снимать напряжение «общественным смехом», но пришедшая ей на смену форма социальной «разрядки» оказалась более агрессивной и разрушительной. В качестве примера такого кровавого «скоморошества» может быть рассмотрена опричнина Ивана Грозного.

Поступок Ивана IV, покинувшего Москву в декабре 1654 года, не имел прецедентов в русской истории. Получив право на своеобразную диктатуру, Иван Грозный учредил опричнину – особый царский удел – и развернул опричное войско. Опричники приносили особую клятву на верность Ивану, отказываясь от родителей и даже от своего имени, преступая, тем самым, христианские заповеди, составлявшие мировоззренческую основу общества. Большинство опричников действительно оказались по ту сторону православных представлений, сознательно отделяя свой круг от всех остальных. Не случайно опричников называли еще крошениками («опричь» – «кроме» – «ад крошениный»). Кульминацией опричного террора стал печально известный поход на Новгород, когда Волхов вышел из берегов, запруженный мертвыми телами.

Крайняя маргинальность опричнины с ее идеологией «холопов государевых» стала весьма эффективным средством для последовавшего построения самодержавия. Новая позиция царя и опричников проецировалась в старину, в дружинные, личностные отношения между предводителем и его людьми. Столь успешная рационализация позволила сделать вполне легитимной такую ситуацию, которая ранее была немислима.

Использование смехового поведения позволило не только оправдать террор, но и легитимизировать поведение с точки зрения традиции, пусть и совсем не христианской. Преодолевая неопределенность своего положения, именно в скоморошестве, в «карнавальном» традиционном, Грозный нашел канал для выброса сдерживаемого напряжения. Подход «антиповедения», позволяет выявить причины отчуждения скоморохов от

---

¹ Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура. – М., 1992. С.13–15.

общества и путь, которым старались поставить себя в особое положение опричники. Относительно первых, можно предположить, что сами потешники, если и не относились враждебно к остальному обществу, то, по крайней мере, могли относиться к его духовным ценностям довольно свободно. Это косвенным образом подтверждается имеющимися примерами их антисоциального поведения. Опричники демонстрируют такое поведение гораздо более ярко. Смеховая природа опричнины проявлялась и через внешнее маркирование этого мира «кроме», выражавшееся в таких атрибутах как черные кафтаны и собачьи головы у седла, которые указывали на их принадлежность сатанинским силам.

Маргинальность положения и смеховое поведение зачастую тесно связаны, что говорит о неоднозначной природе последнего. Это своего рода «регуляция», приведения мира в порядок, где беспорядок выносится за пределы реальной жизни, на карнавалы. Таким образом, связь с карнавальными традициями в поведении Грозного, а так же и скоморохов, вполне может присутствовать. Но о «благом начале», «положительных эмоциях» для социума, здесь говорить сложно. Царь выбрал свой способ укрепления власти: перевернул мир, желая утвердить самого себя, посмев освободиться от мнимого зла, от страха перед этим злом, большой кровью.

Это еще раз подтверждает, что, при определенном сходстве, смех на Руси имел ряд отличительных черт от западного варианта. Если социальные противоречия в Западной Европе долгое время можно было канализировать во время карнавала, то на Руси близкое языческое прошлое такой возможности не давало. Известно, что неустойчивое положение человека в обществе ведет к попыткам найти новую точку опоры и социализироваться. В традиционном обществе наиболее часто такой опорой становится прошлое и опричники хороший тому пример. Большая часть населения все еще тяготела к язычеству, к старым порядкам. Из этой ситуации мог быть один выход – примириться с существованием еще одного мира, собственной маргинальностью, а, значит, в какой-то мере и со злом рядом, и в самом себе. Не удивительно тогда, что скоморошья представления были настолько театральны. Различие же между карнавальными и скоморошьей культурой можно увидеть в доминировании двух разных видов смеха.

Первый, это выявленный М. Бахтиным смех дистанцирования, когда человек смехом отгораживается от зла, стано-

виться над ним, делает его чужим, далеким, а поэтому неопасным. Второй (здесь уместно вспомнить вывод Д. Лихачева о смехе над собой в Древней Руси), сближение с неизбежным злом, признание его своим, близким, а потому неопасным. Человек не освобождается от зла, а лишь сбрасывает создаваемое им напряжение. Тогда и возникает формула: «и страшно, и смешно». Тем не менее, связь смеха с маргинальностью просматривается достаточно четко уже на этом этапе, она появляется раньше противостояния язычества и христианства, что хорошо видно на фактах жестокого осмеяния жертв, проиллюстрированных Аверинцевым.

Таким образом, природа маргиналов может быть определена на основе двух важных составляющих особенностей присутствующего им смеха: первая – связь смеха с магической, ритуальной сферой языческих представлений, приобретших с приходом христианства, маргинальный характер и негативный образ; вторая составляющая – функция смеха в облегчении того или иного образа, помогающая смешать, изменить мотивации, оценки, создать приемлемые образцы поведения и освободиться в смехе.

Смеховая культура Древней Руси специфически связана с маргинальным сознанием, установками, коренившимися в языческих представлениях. Именно смех, преломляясь через маргиналов, позволял сбрасывать напряжение, связанное с христианизацией и социальным расслоением. Смех позволял путем смешения и подмены мотивации решать неразрешимые противоречия. Смех – попытка освободиться от страха, это «игра на грани», которая неразрывно была связана с религией. Понимание смеха как некоего инструмента позволяет осознать его сложную и неоднозначную природу, выявить тесную связь с психологическими и культурными стереотипами, маргинальным положением человека в обществе.